

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

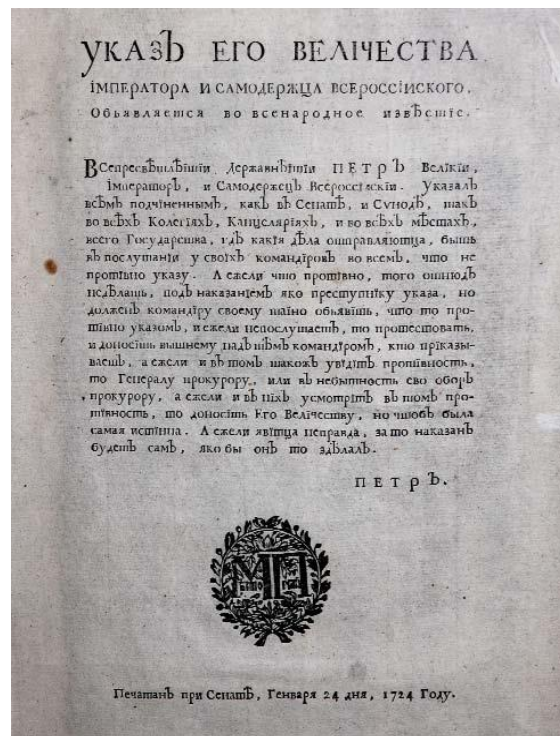
Российская прокуратура прошла сложный исторический путь своего становления, который условно можно разделить на три этапа: дореволюционный (XVIII в. - октябрь 1917 г.), советский (октябрь 1917 г. - конец 80-х гг. XX в.) и современный (90-е гг. XX в. - по настоящее время).

Прокуратура России берет свое начало с XVIII века, когда Указом от 12 января 1722 г. Петр I учреждает прокуратуру Российской Империи с целью борьбы с должностными преступлениями, казнокрадством и взяточничеством. Прокуратура активно защищала интересы самодержавия и выступала «оком государевым». Первым Генерал-прокурором был назначен П.И. Ягужинский.

В период правления Анны Иоановны и последующие годы прокуратура практически бездействовала. Елизавета I Указом от 1741 г. восстанавливает деятельность прокуратуры как надзорного государственного органа. В период царствования Екатерины II был существенно усилен местный прокурорский надзор. При Павле I, который стремился все созданное Екатериной II переделать, был значительно ослаблен прокурорский надзор, сокращены штаты органов прокуратуры. Однако в целом прокуратура продолжала осуществлять свою деятельность.

Павел Иванович Ягужинский

Указ Петра I об учреждении Российской прокуратуры

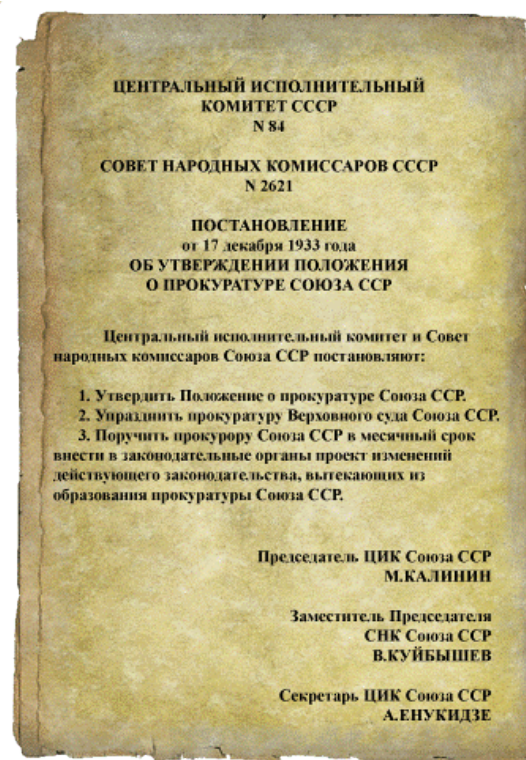
В период правления Александра II в 1862 г. Государственный Совет принимает «Основные положения о прокуратуре», в которых четко определялись задачи и полномочия прокуроров, назначение прокуратуры – наблюдение за точным и единообразным исполнением законов, а также сформулированы принципы организации и деятельности прокуратуры: единство и строгая централизация органов прокуратуры; осуществление прокурорами полномочий от имени всех органов прокуратуры; осуществление «верховного» надзора Генерал-прокурором (он же являлся Министром юстиции); независимость прокуроров от «местных влияний», которая обеспечивалась порядком их назначения и освобождения от должности: Генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались Императором, а нижестоящие прокуроры – Генерал-прокурором.

По итогам судебной реформы 1864 г. установлены «Основные начала судебных преобразований», которые в части, касающейся судоустройства, определяли, что «при судебных местах необходимы особые прокуроры, которые по множеству и трудности возлагаемых на них занятий, должны иметь товарищей», а также констатировали, что «власть обвинительная отделяется от судебной».

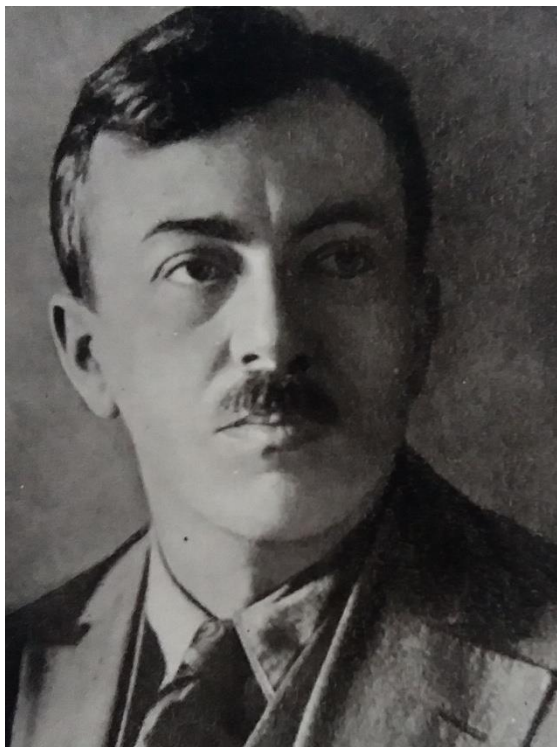
Сложная обстановка периода НЭПа потребовала учреждения самостоятельного государственного органа по надзору за соблюдением законов. Постановлением ВЦИК 28 мая 1922 г. было утверждено первое «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому в составе Народного комиссариата юстиции была учреждена Государственная Прокуратура. На Государственную Прокуратуру возлагались следующие функции: осуществление надзора от имени государства; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, органов государственного политического управления; поддержание обвинения в суде; наблюдение за содержанием заключенных под стражей.

Впоследствии, в 1923 г. была образована Прокуратура Верховного суда СССР, которой было предоставлено право законодательной инициативы и совещательного голоса в заседаниях высших органов власти, а также право приостанавливать решения коллегий Верховного суда СССР. 24 июля 1929 г. было принято «Положение о Верховном Суде СССР и прокуратуре Верховного Суда СССР». Утвержденное ВЦИК 19 ноября 1926 г. «Положение о судопроизводстве РСФСР» предоставило прокуратуре право производства предварительного расследования, а также определило правовой статус следователей прокуратуры, подчеркивая их процессуальную самостоятельность и в то же время поднадзорность органам прокуратуры при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Важно отметить, что до 1933 года прокуратура структурно входила в состав Верховного Суда СССР. В то же время на прокуратуру возлагалась обязанность по осуществлению надзора за соблюдением закона в гражданском и уголовном судопроизводстве. В 1933 году было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об утверждении положения о Прокуратуре Союза ССР». Утвержденное 17 декабря 1933 г. «Положение о Прокуратуре Союза ССР» определяло правовой статус Прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа. Прокуратура Верховного Суда СССР была упразднена. В Положении определены отрасли прокурорского надзора: общий надзор; надзор за правильным и единообразным исполнением законов судебными органами; надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; надзор за законностью действий ОГПУ, милиции, исправительно-трудовых учреждений.

Постановление
об учреждении Прокуратуры Союза ССР

Иван Алексеевич Акулов

Прокурор Союза ССР назначался на должность ЦИК СССР и был ему подотчетен. Первым Прокурором Союза ССР стал И.А. Акулов. Конституция СССР 1936 г. вводит понятие высшего надзора за исполнением законов, который осуществлял Прокурор Союза ССР. Он назначался на должность Верховным Советом СССР; все нижестоящие прокуроры назначались Прокурором Союза ССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» работа всех органов прокуратуры была перестроена на военный лад. Прокуратура осуществляла надзор за исполнением законов военного времени, обеспечивала исполнение законов о поставке военной продукции, об оказании помощи фронту и укреплении тыла. В послевоенное время деятельность органов прокуратуры была направлена на укрепление законности в сфере экономики, а именно на обеспечение соблюдения экономии ресурсов страны.

Приказом Генерального прокурора СССР от 28 июля 1949 г. вводится участковая система работы следователей прокуратуры, что способствовало более быстрому раскрытию преступлений, а также объективному, полному и всестороннему расследованию. После XX съезда КПСС потребовалось принять конкретные меры по реабилитации граждан, незаконно и необоснованно репрессированных в тот период. Органы прокуратуры, осуществляя возложенные на них полномочия по опротестовыванию незаконных и необоснованных решений судов и внесудебных органов, провели огромную работу по реабилитации невинно пострадавших.

Впоследствии, 24 мая 1955 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о прокурорском надзоре в СССР», которое возложило на Генерального прокурора СССР осуществление высшего надзора за точным исполнением законов. В Положении были изложены задачи и полномочия прокуроров, а также средства реагирования на установленные нарушения закона применительно к каждой отрасли надзора. В Конституции СССР 1977 г., в отличие от прежних конституций, прокуратуре уделяется больше внимания и отводится самостоятельная глава. Конституцией на прокуратуру возлагается обязанность осуществлять надзор не только за точным, но и единообразным исполнением законов. Важно отметить, что ни в Конституции 1936 г., ни в Положении о прокурорском надзоре 1955 г. не было указания на осуществление надзора за единообразным исполнением законов. Эту обязанность Конституция 1977 г. возложила как на Генерального прокурора СССР, так и подчиненных ему прокуроров.

Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 г. был принят Закон «О прокуратуре СССР», в котором определялись основные направления деятельности прокуратуры: высший надзор за точным и единообразным исполнением законов; расследование преступлений, а также привлечение к уголовной ответственности; разработка с государственными органами мер предупреждения правонарушений и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов. Верховным Советом РСФСР 15 ноября 1991 г. принимается Постановление

«Об образовании единой системы органов прокуратуры РСФСР». С распадом СССР Прокуратура СССР перестает существовать как самостоятельный государственный орган и утрачивает свое значение.

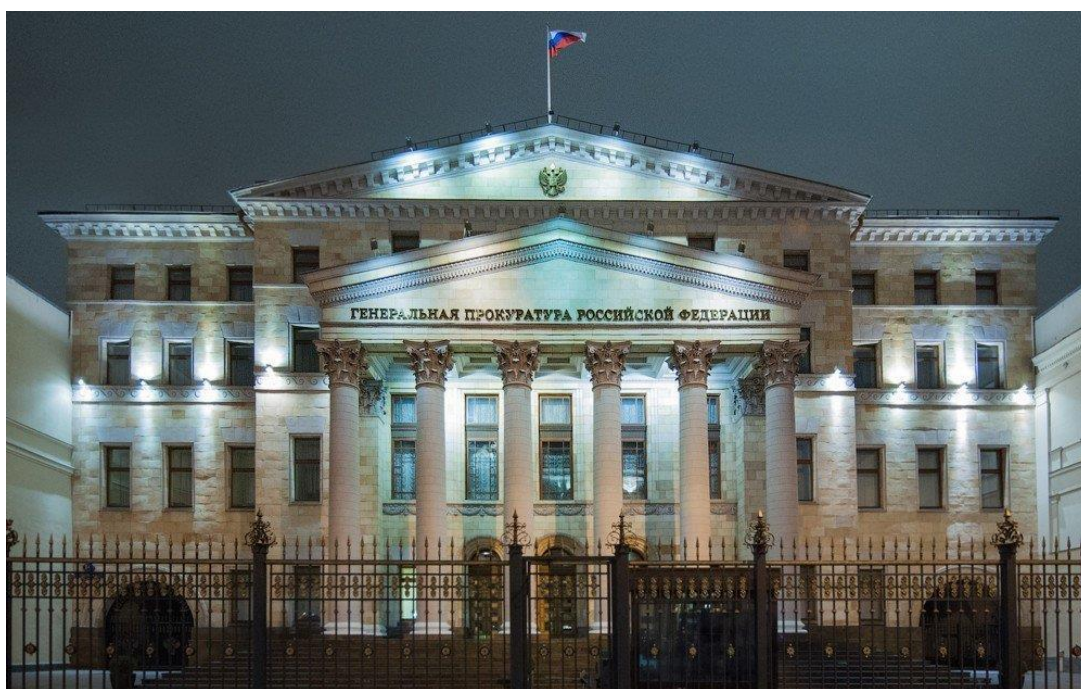
Важным этапом в истории развития прокуратуры стало принятие 17 января 1992 г. Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». В ст. 129 Конституции РФ определяется порядок назначения прокуроров на должность и указывается, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяется федеральным законом. В настоящее время Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» является основополагающим законодательным актом в деятельности прокуратуры. На сегодняшний день прокуратура окончательно сформировалась в самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти.

Прокуратура Российской Федерации в настоящее время представляет собой централизованное силовое ведомство, призванное бороться с нарушениями законности во всех сферах общественной жизни.

Постоянно увеличивающееся количество принимаемых нормативных актов как на федеральном, так и на региональном уровнях, развитие экономики и динамичное внедрение многочисленных политических курсов постоянно расширяют границы прокурорского надзора.

Вместе с тем, неизменно приоритетными задачами органов прокуратуры являются защита прав и законных интересов граждан, обеспечение единства правового пространства страны, борьба с преступностью и коррупцией.

От первого прокурора России до последнего прокурора Союза

Органы прокуратуры были образованы Петром I в 1722 году. С этого времени должность генерал-прокурора в России вплоть до Октябрьской революции 1917 года занимали 35 человек. Первым среди них был сподвижник императора Павел Иванович Ягужинский, впоследствии граф и кавалер многих орденов.

После революции более четырех лет прокурорского надзора в стране не существовало. Лишь в 1922 году постановлением ВЦИК РСФСР в Советской России была воссоздана прокуратура. Первым Прокурором РСФСР стал яркий представитель победившего класса, профессиональный революционер, юрист Дмитрий Иванович Курский.

В первые годы каждая советская республика имела своего прокурора. Однако с образованием Советского Союза, в целях координации их деятельности и осуществления надзора за общесоюзными органами, была введена должность прокурора Верховного суда СССР, которую занял известный юрист, активный революционер Петр Ананьевич Красиков.

В 1933 году, когда была учреждена Прокуратура Союза ССР, первым союзным прокурором вновь стал человек с революционными заслугами, но далекий от юриспруденции, Иван Алексеевич Акулов.

В декабре 1991 года, в связи с распадом Советского Союза, упраздняется Прокуратура СССР, а Прокуратура РСФСР получает новое наименование — Генеральная прокуратура Российской Федерации. В то время ею руководил Валентин Георгиевич Степанков.

Каждый российских и советских прокуроров был самобытен и не похож на предшественника. Многие прокуроры искренне радели о соблюдении законности в стране, боролись за справедливость по мере своих сил и возможностей, а также таланта и способностей. Кто-то поднимался на вершину прокурорской власти медленно, кто-то взлетал быстро и стремительно. В большинстве своем люди, выдвинутые на этот пост императором или вождем, генсеком или президентом, занимали его по праву и достойно. Но были и лица, попавшие на прокурорскую должность по воле случая или обстоятельств и совсем не имеющие к ней склонности.

Несколько человек руководили органами прокуратуры не один десяток лет. Среди «долгослужителей» выделяются генерал-прокурор князь А. А. Вяземский (занимал должность в течение 29 лет), Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко (27 лет), генерал-прокуроры князя В. Н. Панин (23 года) и Н. Ю. Трубецкой (20 лет).

Но были и такие, кто промелькнул и быстро скрылся за прокурорским горизонтом. Менее всего пришлось служить на этом поприще ставленнику Временного правительства генерал-прокурору И. Н. Ефремову — всего 11 дней. Характерно, что за короткий период существования этого правительства, с февраля по октябрь 1917 года, сменилось пять генерал-прокуроров. Такая же кадровая «чехарда» наблюдалась в предреволюционный период, с июля

1915 по февраль 1917 года, когда прокуратурой сумели поруководить три человека менее чем за два года, и в постсоветский период, с 1992 по 2000 год, когда, сменяя друг друга, на посту Генерального прокурора Российской Федерации побывало шесть человек.

Начиная с 1802 года (по октябрь 1917 года) все генерал-прокуроры России были одновременно и министрами юстиции. В советский период истории такое совмещение некоторое время сохранялось. Прокуроры РСФСР Д. И. Курский и Н. М. Янсон были и наркомы юстиции республики. Затем эти должности разъединили, но вплоть до 1936 года во всех советских республиках наркомы юстиции руководили и системой прокуратуры.

Нередко бывшие генерал-прокуроры (в новейшей истории прокуроры и генеральные прокуроры) занимали самые высокие государственные посты, что свидетельствует о незаурядности этих лиц. А одному из них, А. Ф. Керенскому, даже удалось стать на короткое время главой Российского государства. Первый генерал-прокурор граф П. И. Ягужинский был кабинет-министром, Н. Ю. Трубецкой и Я. П. Шаховской — конференц-министрами. Князь П. В. Лопухин, граф Д. Н. Блудов, М. Г. Акимов и И. Г. Щегловитов возглавляли Государственный совет Российской империи. Такие же примеры есть и в советской истории. Прокурор Союза ССР И. А. Акулов стал затем секретарем ЦИК ССР, а А. Я. Вышинский — заместителем Председателя Совнаркома СССР. Бывший прокурор республики Н. М. Янсон одно время работал заместителем Председателя Совнаркома РСФСР, а возглавлявшие прокуратуру республики И. Т. Голяков и А. А. Волин долгое время руководили Верховным судом СССР.

Российским и советским прокурорам не чужда была и дипломатическая деятельность. Из царских прокуроров хорошими дипломатами зарекомендовали себя граф П. И. Ягужинский, князь Д. И. Лобанов-Ростовский, Д. В. Дашков, граф Д. Н. Блудов, граф В. Н. Панин, Н. В. Муравьев. Из советских — Д. И. Курский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. Я. Вышинский. Последний был даже министром иностранных дел СССР.

Среди прокуроров встречалось немало профессиональных военных, офицеров и генералов, не раз участвовавших в сражениях. В дооктябрьский период — это князь Н. Ю. Трубецкой (генерал-фельдмаршал), князь Я. П. Шаховской, А. И. Глебов, князь А. А. Вяземский, А. Н. Самойлов, А. А. Беклешов, князь Д. И. Лобанов-Ростовский. В советский период — Н. В. Крыленко (Верховный главнокомандующий), В. А. Антонов-Овсеенко, В. М. Бочков, А. М. Рекунков, А. Я. Сухарев, Б. В. Кравцов (Герой Советского Союза), П. В. Баранов.

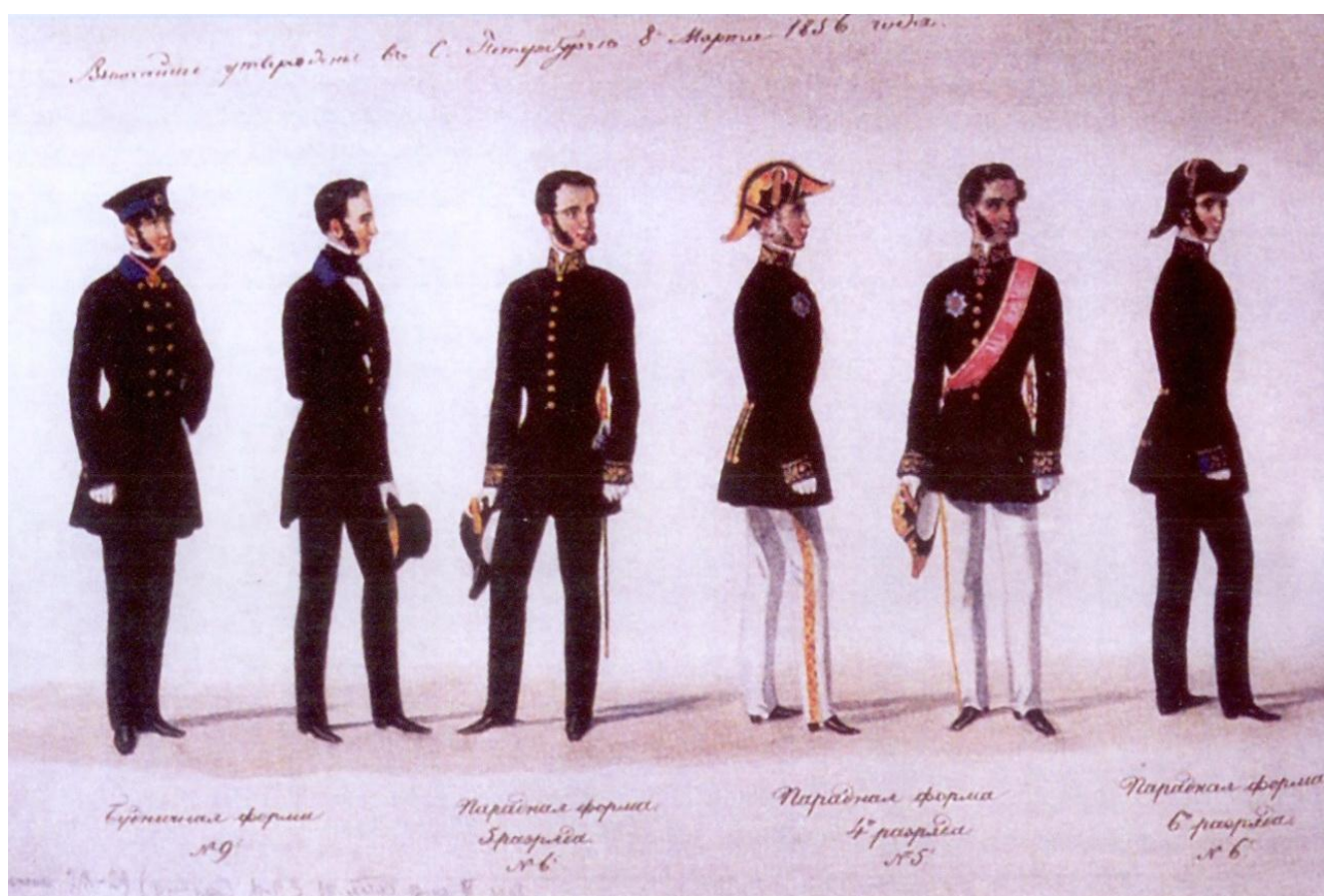
За все время существования органов прокуратуры лишь однажды их возглавляла женщина. В царское время, как известно, женщин на службу не принимали. Только незадолго до революции, 8 февраля 1917 года, по предложению генерал-прокурора Н. А. Добровольского Совет Министров утвердил закон, согласно которому женщины, имевшие свидетельство об окончании гимназии или института, могли быть определены на службу на канцелярские должности центрального и местных учреждений министерства юстиции, а также в канцелярию Правительствующего сената. В советской прокуратуре женщины стали работать помощниками прокуроров, прокурорами районов, занимали должности в аппаратах республик, краев и областей. В середине 1930-х годов Фаина Ефимовна Нюрина некоторое время исполняла обязанности Прокурора РСФСР. В последующие годы только Н. А. Горшеневой довелось быть заместителем Прокурора РСФСР.

Руководителями органов прокуратуры, как правило, становились люди зрелого возраста (45–60 лет). И все же иногда высшие прокурорские должности занимали достаточно молодые люди. Самым молодым прокурором России был граф К. И. Пален, ставший генерал-прокурором в 34 года. А. Ф. Керенский возглавил прокуратуру в 36 лет. В таком же возрасте К. П. Горшенев стал союзным, М. И. Панкратьев и А. А. Волин — республиканскими прокурорами, а А. Н. Ильющенко — и. о. Генерального прокурора Российской Федерации.

Традиционно высоким был и образовательный уровень большинства прокуроров. В XVIII веке они преимущественно получали блестящее домашнее воспитание, иногда учились за границей, оканчивали кадетские корпуса. В XIX и начале XX века (до Октябрьской революции) генерал-прокурорами становились лица, окончившие юридический факультет университета (11 человек), либо Императорское училище правоведения (4 человека), либо иное престижное учебное заведение (гимназия, лицей, частный пансион). В советский и постсоветский период истории большинство прокуроров (генеральных прокуроров) СССР и республики были с высшем юридическим образованием.

Среди прокуроров немало людей, серьезно занимавшихся наукой, преподававших в вузах. Генерал-прокурор граф Д. Н. Блудов был президентом Петербургской академии наук. И. Г. Щегловитов читал лекции в Императорском училище правоведения, издал капитальный труд по уголовному судоустройству. Н. В. Муравьев написал большую работу по истории органов прокуратуры — «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности», выпустил два тома своих судебных речей и статей. Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский являлся академиком. Его труд «Теория судебных доказательств в советском праве» удостоен Сталинской премии 1-й степени. Докторами юридических наук, профессорами (до назначения на пост либо после) были Генеральный прокурор СССР К. П. Горшенин, Генеральные прокуроры Российской Федерации Ю. И. Скуратов и А. И. Казанник, Прокурор РСФСР И. Т. Голяков. Доктором юридических наук после ухода с должности Генерального прокурора СССР стал и А. Я. Сухарев. Все они в свое время руководили научно-исследовательскими юридическими институтами. Кандидатами юридических наук являлись прокуроры РСФСР С. А. Емельянов и В. М. Блинов, Генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин.

Некоторые прокуроры добились выдающихся успехов и на ином поприще, весьма далеком от юридической казуистики. Прочно связаны с историей русской литературы имена знаменитых поэтов генерал-прокуроров Гаврилы Романовича Державина и Ивана Ивановича Дмитриева. Хорошо были известны в литературной среде генерал-прокуроры Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов, создатели литературного общества «Арзамас», членом которого состоял юный А. С. Пушкин. Разносторонние интересы имел и Прокурор РСФСР Н. В. Крыленко. Он возглавлял шахматную организацию страны, взрастившую целую плеяду выдающихся гроссмейстеров, являлся признанным мастером-альпинистом, даже в одиночку покорявший горные вершины. О своих увлекательных путешествиях он рассказал в нескольких книгах.

В прокуроре, осуществлявшем надзор за законностью в стране, возбуждавшем уголовное преследование и обвинявшем преступников, общество всегда хотело видеть эталон честности и благородства. Как правило, так оно и было. И все же некоторым из них, порой заслуженно, а иногда и нет, самим пришлось побывать под следствием или судом по обвинению в различных преступлениях, в том числе и по службе. В подавляющем большинстве случаев обвинения потом отпадали. Находился под стражей даже самый первый генерал-прокурор граф П. И. Ягужинский, когда после смерти Петра I «верховники» намеревались захватить власть.

Еще в бытность свою тамбовским губернатором Г. Р. Державин из-за происков генерал-губернатора Гудовича, с которым он не поладил, был предан суду Правительствующего сената, но его оправдали. До вступления в должность генерал-прокурора арестовали И. И. Дмитриева вместе с его товарищем Лихачевым по обвинению в «умышлении» на жизнь императора Павла I. Отпущены молодые люди были лишь после того, как генерал-губернатор Петербурга Архаров снял с них все обвинения, отыскав доносчика.

При Советской власти содержались под стражей бывшие генерал-прокуроры С. С. Манухин (осужден в 1921 году по делу В. Н. Таганцева, но вскоре амнистирован) и П. Н. Малянтович (трижды). Последний арест для него оказался роковым. Обвиненный в контрреволюционной деятельности и выдаче предписания на арест В. И. Ленина накануне Октябрьской революции, он был расстрелян. В 1990 году полностью реабилитирован.

Советские прокуроры до последнего времени подвергались аресту лишь за контрреволюционные преступления. В конце 1930-х годов в этом были обвинены и после непродолжительного суда расстреляны бывшие Прокурор СССР А. И. Акулов, прокуроры РСФСР Н. М. Янсон, Н. В. Крыленко и В. А. Антонов-Овсеенко, и. о. прокурора республики Ф. Е. Нюрина. В настоящее время все они реабилитированы.

Среди российских и советских прокуроров немало долгожителей. Генерал-прокуроры П. Х. Обольянинов и А. Ф. Керенский прожили почти по 90 лет, прокурор республики П. В. Баранов — 82 года, генерал-прокурор князь Д. И. Лобанов-Ростовский и Прокурор Союза ССР В. М. Бочков — по 80 лет, генерал-прокуроры граф Д. Н. Блудов, граф К. И. Пален и И. Н. Ефремов — по 79 лет. Но «рекордсменом» является бывший Прокурор РСФСР Анатолий Антонович Волин, который прожил 104 года.

Первый Генерал-прокурор государства Российского - Павел Иванович Ягужинский

«СЕЙ ЧИН ЯКО ОКО НАШЕ»

Первый в истории государства Российского генерал-прокурор граф Павел Иванович Ягужинский родился в 1683 году в семье бедного литовского органиста. Он с молодости отличался веселым и живым нравом, был остроумным и сообразительным. Службу свою начал при фельдмаршале Федоре Головине. В 1701 году Петр I, завороженный образной красивой речью, умом и выдающимися способностями юноши, зачислил его в Преображенский полк, а затем пожаловал в денщики. С этого времени начинается стремительная и блестящая карьера П. И. Ягужинского, ставшего одним из любимцев русского царя. В 27 лет он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка; затем последовательно становится генерал-адъютантом, генерал-майором и, наконец, генерал-лейтенантом.

Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, умный и ловкий, он неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Петра I: вел переговоры с королями Дании и Пруссии, участвовал в ряде конгрессов, часто сопровождал царя в его заграничных поездках.

12 января 1722 года была учреждена прокуратура. В именном высочайшем указе Правительствующему сенату отмечалось: «Надлежит быть при Сенате Генерал-Прокурору и Обер-Прокурору, а также во всякой Коллегии по Прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-Прокурору». Спустя несколько дней были введены должности прокуроров и при надворных судах.

18 января император Петр I назначил Павла Ивановича Ягужинского первым генерал-прокурором Сената. Представляя его Сенаторам, Петр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть».

Эта же мысль нашла свое отражение и в указе от 27 апреля 1722 года «О должности Генерал-прокурора»: «И понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных».

Указ устанавливал основные обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководству подчиненными органами прокуратуры.

По отзывам современников, Ягужинский был видный мужчина, с лицом выразительным и живым, со свободным обхождением, капризный и самолюбивый. Он был очень умен и деятелен. За один день Ягужинский делал столько, сколько другой не успевал и за неделю. Мысли свои выражал без лести перед самыми высокими сановниками и вельможами, порицал их смело и свободно. Талантливый и ловкий, он не робел ни перед кем. Не случайно светлейший князь Меншиков «от души ненавидел его».

Ближайшим помощником П. И. Ягужинского, обер-прокурором Сената, стал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, выдвинувшийся из среды гвардейских офицеров.

Основное внимание в своей прокурорской деятельности Ягужинский сосредоточил на контроле за повседневной работой Сената, за правильностью и законностью разрешения дел, их своевременным прохождением, порядком в Сенате и т. п. Коллегиальные решения были еще чужды сознанию самолюбивых сановников, которые не привыкли считаться с чужим мнением и уважать его, поэтому в Сенатском собрании зачастую возникали ссоры, крики, брань, а иногда и драки. В связи с этим Ягужинский вынужден был даже написать особое «предложение» Сенату, в котором просил Сенаторов воздержаться от ссор и споров, «ибо прежде всего это неприлично для такого учреждения, как Сенат».

П. И. Ягужинский довольно быстро занял ключевые позиции в государственных делах, играя по существу роль второго лица в империи после Петра I. По выражению русского историка В. О. Ключевского, генерал-прокурор становится «*маховым колесом всего управления*». Императора вполне удовлетворяла активная деятельность П. И. Ягужинского, и он во всем поддерживал его. Петр I не раз говорил своим приближенным: «Что осмотрит Павел, так верно, как будто я сам видел». 7 мая 1724 года, в день коронации императрицы Екатерины Алексеевны, П. И. Ягужинский был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного.

Петр I, всегда жестоко преследовавший сановников за взяточничество и воровство, часто поручал генерал-прокурору Ягужинскому ведение розыска, то есть следствия по делам. В частности, он расследовал дело обер-фискала Нестерова, который был изобличен во взяточничестве и казнен.

Когда дело касалось интересов закона, Ягужинский не боялся противостоять даже членам царской фамилии. Об этом свидетельствует такой случай. Один из служителей царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича (брата Петра I), Деревнин как-то раз поднял и припрятал у себя оброненное фаворитом царицы Юшковым письмо. Эта пропажа очень обеспокоила царицу, так как письмо было написано ею. Вскоре Деревнин попал под подозрение и его взяли в Тайную канцелярию, где подвергли допросам. Деревнин присвоение письма отрицал, и дело продвигалось медленно, что явно не устраивало царицу. Она решила лично учинить допрос провинившемуся и однажды вечером вместе со своими слугами заявила в Тайную канцелярию. Там она подвергла колодника Деревнина пыткам и истязаниям. Боясь ответственности за содеянное царицей, дежурный офицер сообщил о происшествии обер-прокурору Скорнякову-Писареву, но тот отказался вмешиваться. Тогда офицер разыскал генерал-прокурора Ягужинского. Последний немедленно приехал в Тайную канцелярию. Он отобрал у царицы арестованного и велел направить его под караулом в свой дом. На требования царицы отдать ей Деревнина Ягужинский сказал: «Что хорошего, государыня, что изволишь ездить ночью по приказам. Без именного указа отдать невозможно».

В соответствии с утвержденной Петром I должностью Ягужинский обязан был «смотреть над всеми прокурорами», сидящими в коллегиях и надворных судах, «дабы они в своем звании истинно и ревностно поступали», а все их «доношения» предлагать Сенату и «инсигновать», чтобы «по ним исполнено было».

Никаких особых личных требований для службы в прокуратуре в то время не устанавливалось. Велено было избирать их «из всяких чинов», но только лучших.

Прокуроры назначались на свои должности Сенатом по предложению генерал-прокурора, но за те или иные проступки они могли быть наказаны лишь Сенатом. Сам же генерал-прокурор и его заместитель, обер-прокурор, были ответственны только перед императором. В указе «О должности генерал-прокурора» на этот счет отмечалось: *«Генерал- и обер-прокуроры ничьему суду не подлежат, кроме нашего»*.

Прокуроры строго наблюдали за деятельностью учреждений, при которых состояли, обращая внимание на нарушения закона, волокиту, воровство и т. п. Будучи приближенным к императору и пользуясь его полным доверием, Ягужинский оказывал огромную поддержку подчиненным ему прокурорам, всячески выводя их из-под влияния учреждений, при которых они состояли. При случае он находил возможным испрашивать чины и награды для прокуроров, выставляя их перед Петром I как особенно усердных, преданных и честных слуг престола.

При преемниках Петра I П. И. Ягужинский в полной мере познал как взлеты, так и падения. Во время «заговора верховников» был даже обвинен в измене и арестован, но из кратковременного заточения вышел еще более могущественным. Именным указом от 2 октября 1730 года императрица Анна Иоанновна укрепила пошатнувшуюся было прокуратуру, подтвердив, что при Сенате должны быть генерал- и обер-прокуроры, а при коллегиях и других судебных местах — прокуроры, действующие по данной им должности. И далее: *«И для того ныне в Сенат, покамест особливый от нас генерал-прокурор определен будет, иметь в должности его надзирание из членов Сенатских генералу Ягужинскому, а в его дирекции в должность обер-прокурора быть статскому советнику Маслову, а прокуроры ж в коллегии и канцелярии, в которые надлежит, определяются немедленно»*.

Однако вокруг императрицы стали возвышаться другие лица, набирал силу ее любимец Бирон. После нескольких ожесточенных схваток с ним Ягужинский, по свидетельству современников, «с радостью воспринял весть о назначении его послом в Берлин вместо ссылки в Сибирь». В Пруссии Павел Иванович находился до 1735 года, после чего возвратился в Россию. Он получил графское достоинство и стал кабинет-министром императрицы. Продолжал Ягужинский носить и звание генерал-прокурора, хотя фактически от прокурорских дел уже отошел.

П. И. Ягужинский достиг чина действительного тайного советника, был пожалован в Сенаторы и обер-шталмейстеры, не раз награждался различными знаками отличия, большими имениями и крупными суммами денег.

Ягужинский был женат дважды: на Анне Федоровне Хитрово, с которой развелся в 1723 году, и на дочери канцлера Анне Гавриловне Головкиной. От первого брака он имел сына (умер в 1724 году) и трех дочерей; от второго — сына, Сергея, дослужившегося до генерал-поручика (умер в 1806 году), и трех дочерей. Вторая жена генерал-прокурора была «высока ростом, имела прекрасный стан и отличалась приятностью в обхождении». Считалось, что она танцевала лучше всех в Петербурге. Судьба ее оказалась трагичной. После смерти Ягужинского она вышла замуж за обер-гофмаршала М. П. Бестужева-Рюмина, но в 1743 году, за участие в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны была наказана кнутом и «по урезании языка» сослана в Сибирь.

Граф П. И. Ягужинский умер 6 апреля 1736 года и похоронен в Невском монастыре.

Последний Генерал-прокурор Российской империи – Николай Александрович Добровольский

«ЧЕЛОВЕК НЕБРЕГУЩИЙ СЛУЖБОЮ»

Николай Александрович Добровольский родился 10 марта 1854 года в семье потомственного дворянина Новгородской губернии. Мальчик рано остался без отца. Воспитывал его отчим, который был преподавателем и обучал будущего императора Александра III, а также великих князей Алексея, Сергея и Павла. Николай Александрович с юношеских лет был связан *«особенно теплыми, близкими отношениями»* с великим князем Михаилом Александровичем. Однако, по признанию самого Н. А. Добровольского, ни он, ни оба его брата никогда не прибегали к протекции великого князя или какого-либо иного лица из царской фамилии для продвижения по службе. Все же близость к высочайшему двору независимо от желания Добровольского давала ему безусловное преимущество перед другими чиновниками.

В 22-летнем возрасте Николай Добровольский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата прав, после чего поступил на военную службу. 29 октября 1876 года приказом по 1-й гвардейской кавалерийской дивизии он был зачислен в Кавалергардский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда.

Добровольский недолго тянул армейскую лямку. В марте следующего года его произвели в унтер-офицеры, а уже в апреле он получил отпуск по болезни на один год.

Не увольняясь из армии, Николай Александрович подал прошение о зачислении его кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. Такое назначение состоялось 20 мая 1877 года.

27 июня 1878 года Добровольский добился окончательного увольнения в запас и теперь мог спокойно заниматься юриспруденцией.

Вскоре он получил чин коллежского секретаря. Расследованием преступлений Н. А. Добровольский занимался, с небольшим перерывом, до апреля 1879 года, после чего был отправлен на выучку в провинцию и назначен товарищем Волынского губернского прокурора. В то время существовала практика «обкатки» молодых, неопытных «юридических птенцов» в старых судебных установлениях. Добровольский сумел хорошо зарекомендовать себя, поскольку на следующий год его перевели на службу в новый суд — товарищем прокурора Житомирского окружного суда. Здесь он пребывал два года, иногда исполняя обязанности прокурора, выслужив свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени и очередной чин титулярного советника.

С 23 мая 1882 года Н. А. Добровольский более четырех лет прослужил товарищем прокурора Киевского окружного суда, а затем в чине коллежского асессора был переведен на аналогичную должность в Петербург. Вскоре он стал надворным советником, а в 1891 году получил орден Св. Анны 3-й степени. В сентябре того же года он переводится на службу в

Прибалтику, где занимает первое время должность прокурора Митавского, а впоследствии — Рижского окружных судов.

Н. А. Добровольский служил там почти шесть лет, прибавив к своим наградам орден Св. Анны 2-й степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III, а также получив чин статского советника. После этого он круто меняет направленность своей деятельности — неожиданно оставляет Министерство юстиции и переходит в систему Министерства внутренних дел. Высочайшим приказом от 8 февраля 1897 года его назначают гродненским вице-губернатором. Эту должность он занимал три года, часто заменяя отсутствовавшего губернатора, а в последний год полностью приняв на себя управление губернией. В апреле 1899 года Н. А. Добровольский, без освобождения от своих основных обязанностей, был назначен на три года почетным мировым судьей Гродненского округа и впоследствии еще дважды занимал это престижное место.

В феврале 1900 года ему было высочайше повелено занять должность гродненского губернатора. Однако спустя восемь месяцев он уволился и тогда же был утвержден обер-прокурором 1-го департамента Правительствующего сената. За время руководства губернией Добровольский стал действительным статским советником, ему был пожалован придворный чин камергера двора его величества, и кроме того он удостоился двух иностранных орденов — Персидского Льва и Солнца 1-й степени и Черногорского князя Даниила Первого 1-й степени.

Вернувшись в систему Министерства юстиции, Н. А. Добровольский оставался здесь уже до Февральской революции. С 18 октября 1906 года он являлся одновременно и Сенатором, а в декабре того же года получил придворный чин егермейстера.

По мнению современников, Добровольский «заявил себя знатоком административного права».

В связи с этим, а также благодаря своей близости к высочайшему двору, особенно к тому кругу лиц, который группировался вокруг Г. Распутина, его настойчиво стали продвигать на пост министра внутренних дел. Однако его кандидатура по каким-то причинам все же не устраивала императора.

1 января 1914 года Н. А. Добровольскому был вручен орден Белого Орла. В сентябре 1916 года он оставил пост обер-прокурора и стал заниматься исключительно своими Сенаторскими делами. Наряду с этим его избрали заместителем председателя Георгиевского комитета.

20 декабря 1916 года последовал следующий высочайший указ: «Сенатору, двора Нашего егермейстеру, тайному советнику Добровольскому Всемилостивейше повелеваем быть управляющим Министерством юстиции, с оставлением Сенатором и егермейстером».

Последний руководитель Министерства юстиции в царском правительстве и одновременно генерал-прокурор Н. А. Добровольский пробыл в своей должности немногим более двух месяцев. Он так и не был облечен званием министра. Вследствие различных придворных интриг, в переломное и судьбоносное для Российской империи время во главе судебных и прокурорских органов встал человек, хотя и имеющий солидный практический опыт, способный и квалифицированный юрист, но все же не обладавший надлежащей твердостью, присущей некоторым его предшественникам, недостаточно принципиальный, не

способный надежно отстаивать интересы законности, и к тому же, основательно запутавшийся в долгах.

Когда Н. А. Добровольский вступил в управление Министерством юстиции, главный инициатор его назначения, Распутин, был уже убит. Добровольский сумел убедить императора в нецелесообразности освобождения от судебной ответственности бывшего военного министра Сухомлинова и известного мошенника Манасевича-Мануйлова.

Когда началась Февральская революция, Добровольский укрылся в итальянском посольстве, но находился там недолго, всего два часа. Затем он позвонил в Государственную думу и попросил прислать автомобиль, чтобы поехать в Таврический дворец, где намеревался сдаться добровольно. Из дворца его доставили в Петропавловскую крепость.

Официально Н. А. Добровольскому вменялось совершение трех должностных преступлений. Их расследованием занимался «командированный в Чрезвычайную следственную комиссию» судебный следователь К. И. Бувайлов.

Добровольский обвинялся в том, что он, исполняя обязанности обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего сената и получив из кассы бывшего министерства императорского двора 20 тысяч рублей, пожалованных государем на пособия особенно нуждающимся чиновникам канцелярии Сената, эти деньги по назначению не передал, а *«самовольно обратил на свои надобности»*, купив, в частности, процентные бумаги, которые внес в Петербургское общество взаимного кредита на свой текущий счет. И лишь в июне 1915 года, спустя несколько лет, возвратил деньги для использования их по назначению.

Допрошенный по этому факту, Н. А. Добровольский виновным себя не признал и пояснил, что по высочайшему повелению деньги были выданы по его ходатайству и в *«его распоряжение»*, но так как вопрос об организации ссудно-сберегательной кассы для выдачи пособий затянулся, то он и решил временно поместить деньги на свой текущий счет. Об этом он имел устную договоренность с министерством императорского двора. Когда касса была открыта, он вернул не только взятые им 20 тысяч рублей, но и полученные от них проценты. Добровольский сказал, что хотя и пользовался некоторое время кредитом, никакого ущерба кассе не причинил.

Н. А. Добровольский обвинялся также в необоснованном прекращении дела некоей Феодосии Шмулевич, а также в получении взятки от грозненского купца Я. Б. Нахимова за содействие его помилованию. Он и в этих случаях не признавал себя виновным.

К концу июля 1917 года следователь К. И. Бувайлов завершил производство по делам и представил все материалы на заключение Чрезвычайной следственной комиссии. До ее решения Н. А. Добровольскому удалось вырваться из Петропавловской крепости. Его жена, Ольга Дмитриевна, усиленно хлопотала перед министром юстиции Временного правительства и Чрезвычайной следственной комиссией об освобождении мужа. В обоснование своих просьб она ссылалась на состояние здоровья Николая Александровича, серьезно расшатанного за последнее время. Освидетельствовавший его доктор Манухин также находил, что ему необходимо *«больничное, а еще лучше домашнее лечение»*. Однако на все эти просьбы она неизменно получала отказы.

Закончив дело, К. И. Бувайлов 31 июля вынес постановление, в котором отметил, что поскольку доказательства виновности Н. А. Добровольского *«существенно поколеблены ко времени окончания предварительного следствия»*, а также учитывая болезненное состояние бывшего министра юстиции, его возраст и семейное положение (у Н. А. Добровольского было пятеро детей), мера пресечения ему изменяется на подписку «о неотлучке» из Петрограда. 4 августа 1917 года Н. А. Добровольский обрел долгожданную свободу.

Уже на следующий день он обратился в комиссию с просьбой разрешить ему выехать для лечения на Кавказ. С большим трудом он достал железнодорожные билеты на 8 августа, но разрешение на поездку ему так и не было выдано. 20 августа Добровольский обратился в комиссию с очередным прошением. Он писал в нем: *«Дайте же мне возможность сохранить себя хотя на несколько лет для многочисленной семьи моей, не обрекайте меня на дальнейшую медленную казнь и дайте мне возможность не подвергать голодовке нашу семью, в которой*

три младших не старше 22 лет и не могут существовать без молока, мяса, масла, яиц и т. п. продовольствия первой необходимости для питания».

22 августа 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия под председательством Н. К. Муравьева рассмотрела прошение Н. А. Добровольского и большинством в пять голосов против двух разрешила ему выезд на Кавказ. Через день он получил официальное удостоверение об этом за подписью председателя комиссии.

После Октябрьской революции Н. А. Добровольский проживал на Северном Кавказе, где его застала Октябрьская революция. В октябре 1918 года оказался в числе заложников и попал в концлагерь в Пятигорске. 21 октября 1919 года Н. А. Добровольский в числе других 59 заложников был расстрелян.

Генерал-прокурор Временного Правительства – Александр Федорович Керенский

«НЕ ОТСТУПЛЮ ОТ СВОИХ ПРИНЦИПОВ»

Александр Федорович Керенский родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. Он был четвертым ребенком в семье директора мужской гимназии Федора Михайловича Керенского и его жены, Надежды Александровны. Наиболее ярким впечатлением детства, по словам А. Ф. Керенского, было воздействие на него религии, которая способствовала выработке идеи самопожертвования «во имя народа»; самым же сильным увлечением — книги.

Определенный след в душе мальчика оставила и казнь «Первомартовцев» Александра Ульянова и его товарищей. Ведь юный революционер проживал в Симбирске, блестяще окончил гимназию, директором которой был отец А. Ф. Керенского. Здесь же учился и брат казненного, Владимир Ульянов. По признанию Александра Керенского, симбирский период его жизни оказал решающее воздействие на выбор им своего духовного пути.

В 1889 году, когда Саше исполнилось всего 8 лет, Федор Михайлович получил назначение в Туркестанский край, где ему предстояло занять должность главного инспектора учебных заведений. Семья переехала в Ташкент. Здесь и прошли гимназические годы будущего революционного генерал-прокурора.

В 1899 году в 18-летнем возрасте Александр Керенский вместе с матерью приехали в Петербург, где он поступил на историко-филологический факультет университета. Петербург очаровал и увлек его *«полнотой своей внутренней жизни, полнотой умственной и эстетической»*. Юноша посещал театры, музеи, библиотеки, восторгался игрой блестящих артистов: Давыдова, Сазонова, Комиссаржевской, Савиной, Орленева, Ленского и др.

В сентябре 1900 года А. Ф. Керенский перевелся на юридический факультет. На втором курсе он стал довольно популярным оратором на студенческих сходках, за что поплатился временным «отлучением» от университета — его отправили в «отпуск» домой, в Ташкент.

В эти годы в жизнь Александра Керенского прочно вошла его первая любовь, Ольга Львовна Барановская, внучка китаеведа академика В. П. Васильева. В 1904 году Александр Керенский и Ольга Барановская обвенчались.

А. Ф. Керенский недолго колебался в выборе своего дальнейшего пути. Он подал прошение о зачислении в сословие присяжных поверенных и стал помощником у известного адвоката Н. А. Оппеля. Первое время он оказывал юридическую помощь беднякам в Народном доме, основанном графиней С. В. Паниной, вел другие дела, которых у него было тогда мало. Первый раз ему довелось выступать публично в суде в середине февраля 1905 года. Его патрон, адвокат Оппель, был полностью поглощен общественной деятельностью и поэтому передал своему помощнику одно экстренное дело. В том же году имя Керенского впервые появилось в «досье» департамента полиции. Это произошло после того, как он в числе 217 других

общественных деятелей Петербурга подписал заявление-протест министру внутренних дел по поводу ареста депутации во главе с М. Горьким, бывшей у министра накануне Кровавого воскресенья.

После январских событий А. Ф. Керенский стремился установить более тесные контакты с социал-революционерами. В декабре 1905 года Александра Федоровича впервые арестовали. Его обвинили в *«причастности к подготовке вооруженного восстания»*. В заключении Керенский провел почти *четыре месяца*, а после освобождения был отправлен в Ташкент под надзор полиции. По возвращении в Петербург он получил предложение от присяжного поверенного Н. Д. Соколова выступить защитником по политическому делу в Ревеле. Керенский согласился. По делу проходила группа крестьян, обвинявшихся в разгроме имения местного барона и сопротивлении властям. 25-летний помощник присяжного поверенного сумел проявить себя в этом процессе во всем блеске. Он был напорист, активен, дерзок и убедительно доказал, что противоправные действия крестьян не идут ни в какое сравнение с жестокой расправой, учиненной войсками с *«зачинщиками»* беспорядков, многих из которых расстреляли без суда и следствия.

Успех в этом процессе принес молодому юристу некоторую известность. Теперь предложения принять на себя защиту по политическим делам *«посыпались к нему со всех сторон»*.

В июне 1906 года А. Ф. Керенский снова подвергается обыску, вследствие павшего на него подозрения в связях с одним из лидеров партии социал-революционеров. Однако на этот раз, из-за недостаточности улик, дело было прекращено. После этого он, не оставляя политической борьбы, сосредоточил основное внимание на своей профессиональной деятельности — участии в защите по делам.

В начале 1910 года Керенский стал полноправным адвокатом. Он ревностно исполнял свои обязанности, без конца выступал в процессах, активно участвовал в работе Совета присяжных поверенных. По своим адвокатским делам Керенский исколесил почти всю Россию. Он выступал защитником по политическим и уголовным делам, представителем истцов и ответчиков по гражданским делам в судебных установлениях Москвы и Петербурга, Иркутска и Казани, Варшавы и Тифлиса, Саратова и Риги и многих других городов. Его речь звучала в судебных палатах и военно-окружных судах, в мировых судах и Правительствующем сенате. Он защищал железнодорожников Полесья, служащих двинской почтово-телеграфной конторы, рабочих Шлиссельбургского порохового завода, студентов Петербурга, редакторов газет, представителей различных партий и организаций, обвинявшихся в организации незаконных забастовок, и многих других лиц. Вел он и общеуголовные дела.

В 1912 году А. Ф. Керенский выставил свою кандидатуру от «Трудовой группы» на выборах в 4-ю Государственную думу по г. Вольску Саратовской губернии. В Думе он стал лидером фракции трудовиков и в течение пяти лет стремился объединить, в целях борьбы с самодержавием, все патриотические течения, от правых до левых. Почти сразу же он занял

ключевое положение и в верховном совете масонской ложи «Великий Восток народов России» и одно время был ее генеральным секретарем.

К концу 1916 года революционное движение в стране усилилось. А. Ф. Керенский был в курсе всех событий и даже участвовал в секретной встрече лидеров Прогрессивного блока. С думской трибуны он еще более беспощадно громил правительство. Свое выступление 16 декабря 1916 года он начал так: *«Господа, теперь вы сами видите, что слова, которые можно сказать о власти, которыми можно заклеить власть, преступную перед государством, все сказаны...»*

После Рождественских каникул Государственная дума долго не открывала своего заседания. Правительство вынашивало планы ее роспуска. Наконец, 14 февраля 1917 года заседания возобновились. Уже на следующий день Керенский сказал с ее трибуны: *«Хаос налицо перед вами, и я спрашиваю вас, есть ли у вас сознание и чувство политической ответственности в этот исторический момент подчинить свои личные и классовые интересы единству, единым интересам государства? Я вам скажу, что этого сознания у вас нет».*

27 февраля 1917 года депутаты Государственной думы собрались в Таврическом дворце. Совет старейшин предложил избрать особый комитет Думы для *«водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами»*, который вскоре получил название *Временного комитета Государственной думы*. В него вошел и А. Ф. Керенский. Почти одновременно с этим образовался и Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Керенский и здесь заочно был избран товарищем председателя Петроградского Совета. Временный комитет Государственной думы приступил к формированию нового правительства. 2 марта его состав был уже одобрен. Председателем правительства и министром внутренних дел стал князь Г. Е. Львов, а министром юстиции и генерал-прокурором — А. Ф. Керенский.

Александра Федоровича тогда называли *«министром правды»*, *«народным трибуном»*, писали, что без него *«русская революция немыслима»* и т. п. По свидетельству современников, в составе правительства он с самого начала играл *«первенствующую роль»*, был популярен и среди простого народа, и среди интеллигенции.

3 марта 1917 года А. Ф. Керенский официально принял дела Министерства юстиции. Ему пришлось одновременно решать множество сложнейших вопросов: здесь и наведение порядка в столице, и замена старого чиновничьего аппарата, и образование новых судебных учреждений, и отмена устаревших, противоречащих *«революционному правосознанию»* законов, и расследование деятельности высших царских сановников и т. п.

А. Ф. Керенский с головой окунулся *«в народную массу»*. Он как никто другой сумел извлечь пользу из многочисленных поездок, встреч, выступлений перед самой разнообразной аудиторией. Позднее он писал: *«Обращаясь к представителям различных общественных организаций с изложением платформы нашего правительства, я мог видеть своими глазами, что эта платформа соответствует стихийному стремлению людей самим выработать новую политическую и государственную систему взглядов и осуществить великие чаяния России о свободе, за которые отдано столько лет борьбы»*. В те дни, как вспоминали современники, популярность Александра Федоровича была огромна и все росла. Он умел *«зажигать сердца людей»* и был *«всеобщим оракулом, вождем и любимцем»*.

Министр юстиции Керенский работал всегда исключительно много. Часто он и его товарищи ночевали в служебных кабинетах. Днем его трудно было застать на месте; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Руководители департаментов старались приходить к нему по делам утром, когда он только что вставал и пил кофе. Министр *«схватывал предмет беседы на лету»*, поэтому говорить с ним было довольно легко.

Со времени вступления в должность А. Ф. Керенскому в качестве генерал-прокурора пришлось не только направлять всю деятельность лиц прокурорского надзора в принципиально новых условиях, но и организовывать расследование дел первостепенной важности.

В должности министра юстиции и генерал-прокурора А. Ф. Керенский оставался недолго, всего два месяца. За это время, несмотря на его многочисленные поездки, постоянные встречи с депутациями и делегациями, общественными организациями, бесконечные выступления, и днем и ночью, в самых разнообразных аудиториях, он провел титаническую работу по созданию новых органов власти и управления, преобразованию старых судебных установлений, обновлению административного, уголовного и гражданского процессуального и материального законодательства.

Острый политический кризис, разразившийся в России в конце апреля 1917 года, привел к созданию 5 мая первого коалиционного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. А. Ф. Керенский получил в новом правительстве портфель военного и морского министра. Министром юстиции и генерал-прокурором стал бывший присяжный поверенный, прокурор Петроградской судебной палаты П. Н. Переверзев.

Получив новый ответственный пост, А. Ф. Керенский начал «агитационный объезд фронта». Встречали его первое время восторженно. На посту военного министра он осуществил немало поездок и произнес немало зажигательных речей. После ухода 8 июля в отставку министра-председателя Г. Е. Львова и некоторых министров из числа кадетов, в том числе и министра юстиции П. Н. Переверзева, А. Ф. Керенский стал фактически руководителем правительства. В течение двух недель шли переговоры о создании второго коалиционного правительства.

24 июля 1917 года правительство было сформировано. Министром-председателем стал А. Ф. Керенский, сохранивший за собой и портфель военного и морского министра. После подавления корниловского мятежа и провозглашения России республикой А. Ф. Керенский возглавил Директорию из пяти членов правительства, стал Верховным главнокомандующим. Последнее, 3-е коалиционное правительство, было им сформировано 25 сентября и продержалось 1 месяц. А. Ф. Керенский сумел накануне переворота выбраться из Зимнего дворца, направившись на машине навстречу вызванным с Северного фронта войскам. До 1 ноября 1917 года он еще пытался осуществить контрреволюцию, однако его усилия потерпели неудачу, затем он эмигрировал.

В эмиграции Александр Федорович прожил более 50 лет. В 1922–1932 годах жил в Берлине и Париже, а с 1940 года — в США. За границей он вторично женился — на Терезе Нелль (девичья фамилия Трайон). От первого брака имел двух сыновей, Олега и Глеба. От второго — дочь, которая умерла совсем молодой.

Александр Федорович Керенский скончался в июне 1970 года в Нью-Йорке. Похоронен в Лондоне, где проживали его сыновья.

Последний Генерал-прокурор Временного Правительства – Павел Николаевич Малянтович

«ОТЧЕТЛИВО СОЗНАВАЛ БЕЗНАДЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ»

Павел Николаевич Малянтович родился в 1869 году в городе Витебске, в семье чиновника невысокого ранга. Его отец служил в частных и государственных организациях и одно время был ревизором городских сборов при Петербургском городском управлении. Юноша рано начал помогать семье — в 14 лет он уже давал уроки. В 18-летнем возрасте Павел Малянтович поступил на юридический факультет Московского университета. Однако его увлекала не только учеба. Он проникся идеями народничества и сблизился с лицами, вступившими в борьбу с правительством. Он вошел в кружок Шамахова, Корнатовского, Кранихвельд и других, где занял видное место. Однако им вскоре заинтересовалась полиция.

В конце 1889 года Малянтович попал под подозрение по делу «*О преступном сообществе, имевшем целью революционную пропаганду и злоумышление против государя*», возбужденному Смоленским губернским жандармским управлением. Это дознание закончилось для него не столь благополучно — по высочайшему повелению от 5 июня 1890 года Павел Малянтович был подвергнут трехмесячному тюремному заключению. Спустя год Московский генерал-губернатор представил в университет «неблагоприятные в политическом отношении сведения» о Малянтовиче, вследствие чего он был исключен из этого учебного заведения. Одновременно полиция запретила ему проживание в столице. Дослушивать курс Малянтовичу пришлось в Юрьевском (Дерптском) университете. В 1893 году он все же получил диплом о высшем юридическом образовании.

13 ноября 1893 года П. Н. Малянтович вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Первые пять лет он был помощником адвоката, а затем, с 1898 года, стал полноправным присяжным поверенным. Активной профессиональной деятельностью он занимался до сентября 1917 года, когда ему суждено было стать последним министром юстиции и генерал-прокурором России.

С юности связанный с революционным движением, П. Н. Малянтович и в дальнейшем оказывал значительные услуги партии социал-демократов (преимущественно большевикам, хотя посещал и собрания меньшевиков), а также партиям социал-революционеров и кадетов. Однако сам он ни в какую партию не вступал.

Павел Николаевич довольно быстро выдвинулся в число лучших присяжных поверенных Москвы. Он выступал в качестве защитника преимущественно по политическим делам. За свою долгую адвокатскую деятельность участвовал в сотнях процессах: политических, уголовных, гражданских. Во многих из них он

добивался оправдания подсудимых либо смягчения им наказания. П. Н. Малянтович защищал крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях, обвиненных в организации беспорядков, рабочих Гусь-Хрустального Владимирской губернии, фабрики Морозова, Сормовского, Брянского, Коломенского заводов, а также рабочих Костромской губернии и области Войска Донского. Его страстные речи звучали на процессах революционеров и большевиков.

Современники высоко ценили профессиональную деятельность Павла Николаевича. Московский адвокат С. И. Барский вспоминал: *«П. Н. Малянтович был широко известен как один из крупнейших политических защитников дореволюционной России. Демократическое направление всех мыслей, действий и стремлений Павла Николаевича никаких сомнений не вызывало и выражалось, в частности, в его смелых защитах политических обвиняемых перед царским судом».*

Малянтович занимался большой общественной деятельностью. Он состоял членом Московского Совета присяжных поверенных, а также различных московских обществ: юридического, технического, вспомоществования несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения, Петербургского вольно-экономического общества и др.

После отставки А. С. Зарудного министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский усиленно подыскивал подходящего кандидата на пост министра юстиции и генерал-прокурора. При этом он не хотел отходить от своего основного принципа — назначать на ответственные должности только лиц, громко заявивших о себе на общественном поприще.

В кулуарах министерства юстиции все чаще и чаще называлось имя московского адвоката П. Н. Малянтовича, который подходил для должности министра по всем параметрам: он был достаточно умен, деятелен и очень популярен в общественных кругах.

И А. Ф. Керенский вскоре через Терещенко сделал официальное предложение П. Н. Малянтовичу. Сам Павел Николаевич так рассказывал об этом: *«В октябре 1917 года я был приглашен войти в состав Временного правительства. Я был вызван в Петроград министром финансов Временного правительства Терещенко. Он передал мне это приглашение и сказал, что делает его по прямому указанию Керенского. Последнего я знал до революции 1917 года, как присяжного поверенного, с которым часто встречались на политических процессах царского времени, как защитники».*

П. Н. Малянтович был назначен членом Временного правительства, министром юстиции и генерал-прокурором 25 сентября 1917 года и пробыл на этом посту ровно месяц, до Октябрьской революции. Работа в министерстве давалась П. Н. Малянтовичу с трудом.

В октябре 1917 года Временное правительство усиленно готовилось к созыву Учредительного собрания. К этому времени было уже известно, что большевики готовят вооруженное восстание для захвата власти. «По этому поводу Керенский сделал доклад во Временном правительстве и внес предложение предотвратить вооруженное восстание путем ареста Ленина, а также и других видных руководителей партии большевиков, — рассказывал позднее П. Н. Малянтович. — По словам Керенского, к такому решению пришли меньшевики, эсеры и трудовики на своих совещаниях.

Выполняя это указание, П. Н. Малянтович разослал органам власти и прокурорам на местах телеграмму следующего содержания: *«Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В. И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего, пятого июля в Петрограде, ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления, в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П. Н. Малянтович».*

25 октября министр юстиции и генерал-прокурор П. Н. Малянтович вместе с другими членами правительства находился в Зимнем дворце, где и был арестован.

Вскоре после освобождения из Петропавловской крепости Павел Николаевич вернулся в Москву, где почти 25 лет назад начинал свою блестящую адвокатскую деятельность. И теперь, когда ему уже почти 50 лет, приходилось все начинать сначала. В Москве он встретился со своими бывшими товарищами, в частности адвокатом Н. К. Муравьевым. Вместе обсуждали, как жить дальше. К этому времени у Малянтовича было четверо детей, старший сын, Николай, уже определился с выбором своего пути и решил эмигрировать. Владимир и Георгий оставались с отцом. Самой младшей в семье была дочь, Галли, ей едва исполнилось 9 лет.

В начале августа 1918 года Малянтович выехал в Пятигорск, где проходила курс лечения его жена, Анжелика Павловна. Здесь его застал переворот, произведенный Добровольческой армией. В октябре того же года он перебрался с семьей в Екатеринодар (Краснодар), где проживал до сентября 1921 года. При белогвардейцах Малянтович занимался исключительно юридической (консультационной) практикой — был товарищем юрисконсульта общегородской больничной кассы. После освобождения Екатеринодара (март 1920 года) он поступил на службу в Кубанско-Черноморский областной отдел народного образования, и выполнял обязанности секретаря комиссии по разбору дел несовершеннолетних.

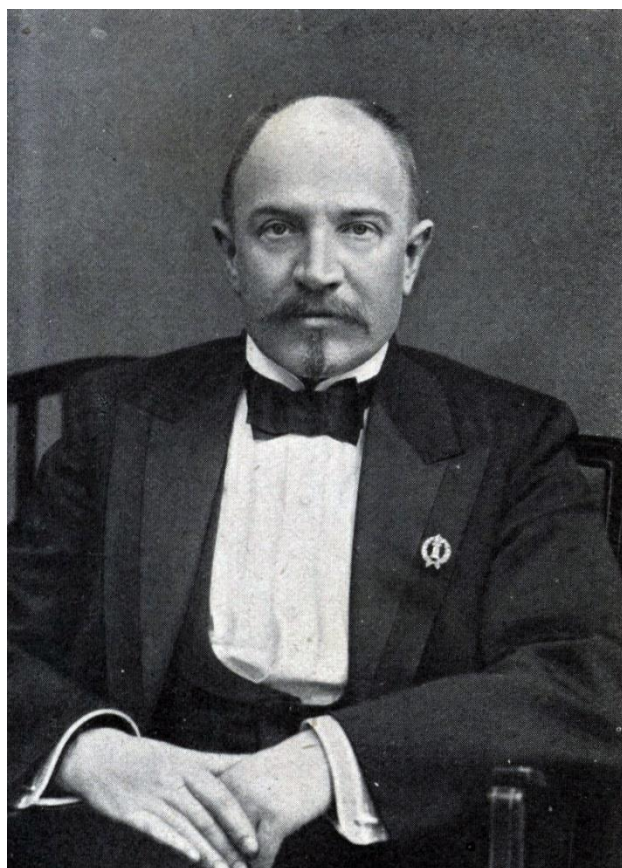
21 сентября 1921 года нарком просвещения А. В. Луначарский и нарком юстиции Д. И. Курский, хорошо знавшие Малянтовича, вызвали его на работу в Москву.

В 1921–1922 годах П. Н. Малянтович работал юристом в главлескоме Высшего совета народного хозяйства и в юридическом отделе Президиума ВСНХ.

С октября 1923 по февраль 1924 года он был главным юрисконсультom акционерного общества «Транспорт». В этот период были предприняты попытки привлечь его к ответственности за телеграмму об аресте В. И. Ленина. Малентовича даже задерживали, но вскоре освободили. Он принимал самое деятельное участие в организации советской адвокатуры, а затем сам многие годы занимался адвокатской практикой. При этом он всегда пользовался полным доверием.

Новая волна гонений на старую, дореволюционную интеллигенцию началась летом 1930 года. Посыпались доносы и на «старорежимных» адвокатов. Президиум Московской коллегии защитников рассматривал заявления в отношении целой группы адвокатов, в том числе и на П. Н. Малянтовича. 13 декабря 1930 года он все же был арестован органами ОГПУ, а 10 мая 1931 года, после почти пятимесячного заключения, постановлением ОГПУ приговорен к 10 годам лишения свободы. Ему вменялась в вину принадлежность к центральному бюро меньшевистской организации (было установлено, что он два раза встречался с Н. Н. Сухановым). В связи с арестом он был исключен из коллегии адвокатов. Только благодаря стараниям друзей, которые сразу же бросились ходатайствовать за опального адвоката, подключив к этому делу деятелей большевистской партии, высоко ценивших П. Н. Малянтовича, 28 мая 1931 года он был освобожден из тюрьмы. Правда, ему было запрещено проживать в Москве, Ленинграде, в Северно-Кавказском крае, на Украине и во многих других местах страны в течение трех лет. И лишь 4 октября 1931 года дело было окончательно прекращено. 14 октября Малянтович обратился с заявлением в Президиум Московской городской коллегии защитников о восстановлении в ее членах. Постановлением от 18 ноября 1931 года Павел Николаевич Малянтович вновь был допущен к адвокатской деятельности.

В течение нескольких лет после освобождения из тюрьмы П. Н. Малянтович имел возможность более или менее спокойно заниматься любимым делом. Он часто выступал в судах, вел общественную работу. Его жена, Анжелика Павловна, была уже тяжело больна. Старший сын, Николай, находился в Берлине; Владимир и Георгий проживали в Москве

и, так же, как и отец, были членами коллегии защитников. Дочь, Галли Павловна, работала юрисконсультom.

В сентябре 1937 года, защищая в так называемом спецделе очередного «контрреволюционера», П. Н. Малянтович, как отмечено в документах, допустил в своей речи выпад (надо полагать, против власти), за что и был исключен из коллегии адвокатов. Теперь ему опять стали припоминать приказ об аресте В. И. Ленина, проживание в период гражданской войны на территории, занятой белогвардейцами.

1 ноября 1937 года заместитель комиссара внутренних дел СССР подписал ордер об аресте П. Н. Малянтовича. В тот же день он был доставлен во внутреннюю тюрьму. Начался последний, самый трагический период его жизни. 26 ноября 1937 года Малянтовичу было предъявлено обвинение в том, что он *«будучи членом партии меньшевиков и непримиримым врагом пролетарской революции, в 1917 году вошел в состав Временного правительства, заняв пост министра юстиции и главного прокурора»*.

Следователи так и не смогли добиться от П. Н. Малянтовича признательных показаний. Только этим можно объяснить то, что следствие продолжалось более двух лет (обвинительное заключение было составлено старшим следователем следственной части ГУГБ НКВД СССР старшим лейтенантом государственной безопасности Мироновичем 9 января и утверждено прокурором 19 января 1940 года).

К этому времени были уже осуждены и расстреляны его сыновья Владимир и Георгий, осужден брат Владимир Николаевич, расстреляны его друзья А. М. Долматовский, А. С. Тагер, В. П. Денике, Н. Г. Вавин, А. М. Никитин и некоторые другие участники так называемого контрреволюционного заговора, идейным вдохновителем которого считался П. Н. Малянтович.

Дело по обвинению П. Н. Малянтовича слушалось военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании 21 января 1940 года. Военная коллегия признала Малянтовича виновным в указанных преступлениях и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор о расстреле П. Н. Малянтовича приведен в исполнение в г. Москве 22 января 1940 года.

Вскоре после смерти И. В. Сталина, когда стали вскрываться многочисленные факты произвола и беззакония, дочь П. Н. Малянтовича, Галли Павловна Шелковникова, обратилась в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре дела ее отца. Однако тогда полностью реабилитирован он не был. Последняя точка в этом деле была поставлена лишь 13 мая 1992 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации пересмотрела по заявлению внука бывшего российского генерал-прокурора П. Н. Малянтовича, Кирилла Георгиевича Малянтовича, дело его деда и признала, что на П. Н. Малянтовича полностью распространяется действие Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Прокурор РСФСР – Дмитрий Иванович Курский

«ТАМ, ГДЕ ГРЕМЯТ ПУШКИ, МОЛЧИТ ПРАВО»

Дмитрий Иванович Курский родился 22 октября 1874 года в Киеве в семье инженера-технолога Ивана Александровича и его жены Марии Васильевны, дочери украинского помещика. Иван Александрович умер рано, и всю нелегкую ношу по воспитанию троих сыновей и дочери Мария Васильевна взвалила на свои плечи. Первое время Дмитрий учился в гимназии небольшого городка Прилуки в Полтавской губернии, а позднее выдержал конкурсный экзамен в Коллегию Павла Галагана (среднее учебное заведение в Киеве).

Дмитрий Курский учился превосходно и окончил коллегию с золотой медалью. В августе 1893 года он поступил на юридический факультет Московского университета. Уже в то время довольно прочно и основательно сформировалось его мировоззрение. Он увлекся марксизмом и материализмом. Он познакомился с семьей известного профессора западной литературы Н. И. Стороженко и часто бывал у него дома, где встречался с такими знаменитостями, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, М. М. Ковалевский, И. М. Сеченов, И. И. Янжул. У профессора он познакомился и с Л. Н. Толстым.

В 1896 году Д. И. Курский за участие в массовой и бурной студенческой сходке был впервые арестован и посажен в Бутырскую тюрьму, где он пробыл почти месяц.

В 1900 году Курский окончил университет, получив диплом юриста и золотую медаль. В том же году произошло еще одно знаменательное событие — он познакомился с 18-летней Анной Сергеевной Рогинской, которая в сентябре 1901 года стала его женой.

Некоторое время после окончания университета Дмитрий Иванович служил в Управлении железных дорог, а в 1902 году вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Он часто выступал в различных аудиториях, активно участвовал в работе в консультации, образованной при съезде мировых судей, занимался журналистикой. В 1904 году вступил в члены Российской социал-демократической рабочей партии, примкнув к большевикам. Во время русско-японской войны его мобилизовали, и он проходил службу в составе Моршанского полка. После тяжелой контузии в декабре 1904 года он вернулся в Москву. Дмитрий Иванович продолжил заниматься адвокатской практикой и журналистской деятельностью, а также с головой ушел в революционную борьбу. В декабре 1905 года он участвовал в вооруженном восстании в Москве — строил баррикады и сражался на них в районе Садовой улицы.

В 1906 году Д. И. Курский вошел в бюро Московской областной организации большевиков. Он много и плодотворно работал и как партийный организатор, и как юрисконсульт. В начале сентября 1909 года, выданный провокатором, он вторично угодил за решетку. Однако в конце сентября полиция вынуждена была освободить его, так как никаких доказательств виновности добыть так и не сумела.

С началом Первой мировой войны Д. И. Курский был мобилизован на фронт. Он командовал ротой, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. Весть о Февральской революции 1917 года застала Дмитрия Ивановича на Румынском фронте. Солдаты избрали прапорщика Курского председателем своего Совета, а затем и делегатом I Всероссийского съезда Советов. Октябрьские события он встретил в Одессе, где был членом революционного комитета Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. В середине ноября 1917 года Д. И. Курский приехал в Москву. Большевики поручили ему организацию нового *«пролетарского суда»*.

К концу декабря 1917 года в Москве было образовано 20 местных судов, а также избран Московский совет местных народных судей под председательством Н. А. Черлунчакевича. Тогда же Моссовет образовал и комиссариат по судебным делам, ставший высшим органом судебной власти в городе. Возглавил его Д. И. Курский. После переезда Советского правительства в Москву, в апреле 1918 года Дмитрий Иванович Курский был назначен заместителем народного комиссара юстиции, а в сентябре 1918 года был утвержден в должности наркома юстиции РСФСР. Курский руководил работой I-го Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции (апрель 1918 года), занимался подготовкой первых советских законов: Конституции РСФСР, Кодекса законов о труде, законов о гражданском состоянии, о национализации промышленности, о едином суде и многих других.

В 1919 году по решению ЦК РКП(б) Д. И. Курского без освобождения от своих основных обязанностей, назначают комиссаром главного и полевого штабов и одновременно он становится членом Реввоенсовета республики. Частые поездки на фронт отрывали его от руководства Наркоматом юстиции. Дальнейшую реорганизацию суда пришлось на некоторое время отложить. Во время гражданской войны задачи, решаемые органами юстиции, заметно сузились. На первый план карательной политики государства, в связи с необходимостью защиты завоеваний революции, выдвинулись органы ВЧК и ревтрибуналы, которые не особенно считались с буквой закона. В одной из своих статей Д. И. Курский писал: *«Там, где гремят пушки, молчит право»*.

В конце 1920 года Д. И. Курский был демобилизован и мог теперь заниматься вопросами Наркомата юстиции, перед которым вставали совершенно новые задачи. XI Всероссийская конференция РКП (б) признала необходимым *«внедрение во всех областях жизни строгих начал революционной законности»*. Наркомюст приступил к разработке целой системы норм как материального, так и процессуального права. Остро встал вопрос и о создании органа, способного обеспечить надзор за соблюдением законов, поскольку отделы юстиции с этой задачей явно не справлялись. По мысли В. И. Ленина, таким органом могла стать прокуратура. По его поручению Дмитрий Иванович приступил к подготовке проекта декрета о создании советской прокуратуры. В конце февраля 1922 года работа над проектом была завершена, и он поступил на рассмотрение 3-й сессии ВЦИК РСФСР 9-го созыва, которая открылась 12 мая 1922 года. Доклад по проекту декрета о прокуратуре сделал Н. В. Крыленко.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин, из-за болезни не участвовавший в работе сессии ВЦИК, но пристально следивший за ходом обсуждения всех вопросов, был принципиально не согласен с тем, что проект декрета о прокуратуре предполагал ее двойное подчинение. Он продиктовал из Горок, где тогда находился, по телефону письмо, адресованное Генеральному секретарю ЦК И. В. Сталину *«для Политбюро» «О «двойном» подчинении и законности»*. В нем содержались не только основные, принципиальные положения о социалистической законности, но и теоретическое обоснование необходимости единой законности для всего Советского государства. Это письмо решило исход спора в пользу сторонников централизованного подчинения органов прокуратуры. Политбюро ЦК полностью согласилось с предложениями

В. И. Ленина. 26 мая 1922 года сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, в котором идеи, высказанные ранее Н. В. Крыленко и поддержанные В. И. Лениным были полностью сохранены. 28 мая постановление сессии было подписано Председателем ВЦИК М. И. Калининым. В этот день была создана Государственная прокуратура РСФСР.

Первым прокурором республики стал нарком юстиции РСФСР Дмитрий Иванович Курский. Ему пришлось сразу же браться за решение многочисленных проблем, связанных с организацией нового института законности.

Среди них на одно из первых мест выдвигались кадровые вопросы — следовало подобрать толковых, инициативных людей на должности губернских прокуроров, помочь им укомплектовать штаты прокуратуры не только помощниками, но и техническим персоналом. Не менее важная проблема — определение структуры отдела прокуратуры Наркомата юстиции и губернских прокуратур, ориентирование подчиненных на выполнение самых важных и неотложных задач, обеспечение их достаточной нормативной базой. Положение о прокурорском надзоре намечало лишь самый основной круг обязанностей прокуроров, которые необходимо было конкретизировать.

Заместителем наркома и старшим помощником прокурора назначен Николай Васильевич Крыленко, который сразу же взвалил на свои плечи огромное количество дел по организации прокуратуры.

Коллегия Наркомюста посвятила несколько своих заседаний вопросу проведения в жизнь Положения о прокурорском надзоре. 22 и 26 июня 1922 года были рассмотрены и утверждены штаты организованного отдела Государственной прокуратуры Наркомата юстиции (6-й отдел), а 29 июня — штаты губернских прокуратур. Отдел включал в себя подотделы общего надзора, надзора за органами следствия и дознания, государственного обвинения и секретариат.

Коллегия Народного комиссариата юстиции приняла решение вводить институт прокуратуры постепенно — вначале в тех губерниях, для которых имелись проверенные и испытанные кандидаты на должности прокуроров, а затем и в остальных, но с тем расчетом, чтобы на всей территории республики назначение прокуроров последовало не позднее 1 августа 1922 года, поскольку именно эта дата была определена Президиумом ВЦИК как начальная для введения в действие Положения о прокурорском надзоре.

Началом работы советской прокуратуры следует считать 25 июля 1922 года. Именно тогда состоялось первое совещание 32 назначенных прокуроров губерний и областей. Открывая его, Курский назвал собравшихся *«первыми застрельщиками в борьбе за законность»*. Участники совещания заслушали доклады прокурора республики Д. И. Курского, его старшего помощника Н. В. Крыленко, а также сообщение Лунина и получили ряд указаний по основным вопросам работы. 29 июля 1922 года Д. И. Курский утвердил *«Временную инструкцию губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора»*.

1 августа 1922 года в 11 губерниях прокуроры приступили к работе. В течение августа-сентября открылись еще 35 губернских прокуратур. Уже к 1 ноября 1922 года из 2779 штатных должностей, выделенных для работников органов прокуратуры (с техническим персоналом), было замещено около 50 процентов, в том числе укомплектованы 326 должностей губернских прокуроров и их помощников. Назначение прокуроров губерний в основном происходило вполне успешно. Местные руководители без каких-либо возражений соглашались

с кандидатурами, выдвинутыми центром. Однако в некоторых губерниях власти все же пытались навязать прокурору республики своих людей, причем, недостаточно компетентных для столь ответственной работы. Особенно трудно шло назначение прокурорских работников в Кабардинской области, в Коми, Пензенской губернии, где к концу 1922 года прокуратуры были укомплектованы лишь на 10–25 процентов. К 1 января 1923 года в РСФСР были назначены все 58 губернских прокуроров.

Работники отдела прокуратуры НКЮ, губернские прокуроры и их помощники часто выступали перед населением, на активах, сессиях, совещаниях, публиковали статьи и заметки в газетах и журналах, принимали трудящихся, нередко прямо на заводах и фабриках. Они рассказывали людям о прокуратуре и ее полномочиях, о борьбе с преступностью, о необходимости строгого соблюдения революционной законности, разъясняли гражданам их права и обязанности, давали консультации по трудовым, жилищным и иным вопросам. При этом прокуроры старались подчеркнуть, что рабочие и крестьяне имеют в их лице первых и самых надежных защитников и охранителей своих интересов. Все это повышало авторитет прокуратуры. Постепенно налаживались деловые отношения с исполкомами и другими местными органами. 1–5 июня 1923 года Наркомюст организовал в Москве большое совещание прокурорских работников. В конце 1924 года было впервые выпущено *«Руководство для прокуроров»*.

В 1921 году Д. И. Курский стал членом Президиума ВЦИК, а в 1923 году — членом Президиума ЦИК СССР. Он участвовал в создании первой Конституции СССР и был докладчиком ее проекта на XI Всероссийском съезде Советов, где она обсуждалась перед утверждением на II съезде Советов СССР. На XII Всероссийском съезде Советов (1925 год) он выступил с докладом о проекте второй Конституции РСФСР, над которой ему лично пришлось работать. На XIV съезде ВКП(б) Дмитрий Иванович был избран членом Ревизионной комиссии ЦК партии, а в 1927 году — членом Центральной контрольной комиссии. Он избирался делегатом многих партийных съездов (VIII, X–XV).

16 января 1928 года постановлением Президиума ВЦИК Д. И. Курский был освобожден от обязанностей народного комиссара юстиции и прокурора республики. Дмитрий Иванович стал полномочным представителем СССР в Италии. Там он пробыл около пяти лет. В октябре 1932 года вернулся на родину.

Скончался Д. И. Курский 20 декабря 1932 года.

Генеральный прокурор Союза ССР Николай Семенович Трубин

«Последний Генеральный прокурор Советского Союза»

Николай Семенович Трубин родился 23 сентября 1931 года в селе Бурдыгино Сорочинского района Оренбургской области. Когда мальчику было два года, он лишился матери — Анна Степановна умерла в возрасте 24 лет. В начале 1950-х годов его отец, Семен Афанасьевич, женился вторично. Мачеха, Анна Тимофеевна, была старше пасынка всего на три года. В семье появилось еще трое детей — дочь Нина и сыновья Сергей и Александр. В 1939 году Николай Трубин стал учеником начальной школы 2-го отделения совхоза «Родина», где проучился четыре года, а затем перевелся в Гамалеевскую среднюю школу.

В 1946 году Николай стал комсомольцем. Вскоре вдумчивого, серьезного юношу избрали заместителем секретаря комитета ВЛКСМ, а через некоторое время он сам возглавил школьную комсомольскую организацию. В 1949 году школа была успешно окончена, и 18-летний выпускник уехал в Свердловск и поступил в юридический институт. В институте он так же активно участвовал в общественной жизни, был комсоргом группы, членом курсового комитета ВЛКСМ и профкома. Там же Николай Семенович встретил и спутницу своей жизни — Эмилию Дмитриевну, с которой они поженились в 1953 году. В том же году ему торжественно вручили диплом юриста, а в 1955 году у них родился сын, Сергей.

После окончания института Трубин получил назначение на работу в органы прокуратуры. Он переехал в город Печора Коми АССР, где в июле 1953 года стал помощником прокурора Северо-Печорского исправительно-трудового лагеря. Чин младшего юриста он получил в августе 1954 года, на следующий год стал юристом 3-го класса. Помощником прокурора лагеря Николай Семенович прослужил свыше двух лет. Он непосредственно осуществлял надзор за следствием, проводившемся первым спецотделением управления исправительно-трудового лагеря, а также за рассмотрением этих дел в суде. Трубин изучал уголовные дела перед утверждением обвинительных заключений, давал по ним указания, поддерживал государственное обвинение, высказывал свое мнение о возможности досрочного освобождения заключенных, готовил проекты протестов и представлений, рассматривал жалобы заключенных.

Активность и настойчивость молодого юриста вскоре были замечены прокуратурой автономной республики. В феврале 1956 года прокурор Коми АССР Лошкарев обратился с представлением к прокурору РСФСР А. А. Круглову о назначении Николая Семеновича прокурором Усть-Цилемского района. Прокурор республики с этим предложением согласился, а заместитель Генерального Прокурора Союза ССР Болдырев утвердил Трубина в должности. Так не достигший еще и 25-летнего возраста Николай Трубин возглавил районную прокуратуру.

В селе Усть-Цильма, где располагалась прокуратура, Н. С. Трубин проживал и работал более четырех лет. За это время он стал юристом 1-го класса, приобрел солидный опыт и, если ранее занимался, в основном, следствием, то теперь освоил все участки прокурорской деятельности, в том числе такие сложные, как общий и гражданско-судебный надзоры. В его характеристике отмечается *дисциплинированность, исполнительность, трудолюбие*. В районе Николай Семенович пользовался авторитетом, был избран в члены бюро райкома партии.

И все же, несмотря на хорошие показатели в работе и благоприятные отзывы, Николаю Семеновичу пришлось расстаться с этой должностью. Его 5-летний сын, Сергей, заболел, и врачи настойчиво рекомендовали Трубину переменить место жительства. Условия Крайнего Севера неблагоприятно сказывались на здоровье мальчика. Тогда Н. С. Трубин обратился с просьбой к руководству Прокуратуры РСФСР о переводе его на работу в район юга или средней полосы России. В июне 1960 года Н. С. Трубин покинул республику Коми, где он прожил семь лет - он выехал в Краснодар. Однако руководящей работы для него не оказалось, и Николай Семенович занял место следователя Новотитаровского района. Работать приходилось день и ночь. Только за один год он закончил расследование по 72 уголовным делам, причем по всем преступлениям следствие было проведено настолько скрупулезно и добросовестно, что ни одно из них не было возвращено судом на дополнительное расследование. Он не только отдавал под суд преступников, но и тщательно выяснял причины, толкнувшие их на нарушения закона, обстоятельства, способствовавшие преступлению, а затем вносил представления об их устранении. Его часто можно было видеть на предприятиях и в организациях, где он читал лекции и проводил беседы. Неоднократно выступал и в печати с острыми статьями, за что райком партии даже наградил его Почетной грамотой.

Только спустя год, в августе 1961 года, Н. С. Трубин получил повышение — он возглавил прокуратуру Новотитаровского района. Не прошло и двух лет, как он был выдвинут на работу в аппарат краевой прокуратуры. В марте 1963 года он становится прокурором следственного отдела, а уже в августе — старшим помощником прокурора края по кадрам. В сентябре 1964 года ему присвоили очередной классный чин — советника юстиции.

Николай Семенович с головой ушел в новую для него работу. Для пополнения прокуратуры квалифицированными юристами, способными по своим моральным и волевым качествам к трудной прокурорско-следственной деятельности, он установил тесную связь с Краснодарским факультетом Всесоюзного юридического заочного института. Студенты старших курсов, соответствующие, по его мнению, этим требованиям, брались им на заметку. Он беседовал с каждым из них, а лучших приобщал к работе в прокуратуре на общественных началах, создавая тем самым резерв для замещения вакантных должностей. Такая практика вполне себя оправдывала. Однако проблемы с кадрами оставались. Не все выдерживали напряженный ритм работы в органах прокуратуры, поэтому почти 30 человек ежегодно увольнялись и не все по «собственному желанию».

И все же Н. С. Трубина больше привлекала сторона деятельности прокуратуры, связанная с расследованием преступлений. И когда представилась возможность, он обратился с просьбой к прокурору края Корсакову о переводе его на следствие. В январе 1966 года Николай Семенович возглавил следственный отдел прокуратуры края. В этой должности он задержался дольше всего — шесть лет. Весной 1967 года Н. С. Трубин как молодой еще руководитель стажировался в следственном управлении Прокуратуры РСФСР, причем знакомился не только с аппаратной работой, но и побывал на местах — в Свердловске, где некогда прошла его юность, и в прокуратуре Московской области. Отдел, возглавляемый Трубиным, был на хорошем счету, а инициативного начальника заметили в союзной прокуратуре.

В январе 1972 года начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД следственного управления Прокуратуры Союза ССР Г. П. Каракозов обратился к заместителю Генерального прокурора СССР А. С. Панкратову с рапортом о назначении Н. С. Трубина прокурором отдела. С этим был согласен и заместитель Генерального прокурора СССР — начальник следственного управления Н. В. Жогин. Взяли Трубина с явным намерением на выдвижение, так как уже через четыре месяца он стал заместителем начальника отдела. С января 1974 года Н. С. Трубин одновременно выполнял и обязанности помощника Генерального прокурора СССР. Ему присвоили чин государственного советника юстиции 3-го класса. Прошел еще год, и Николай Семенович получил уже солидную должность — заместителя начальника следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

В апреле 1976 года Н. С. Трубин, как один из опытейших криминалистов страны, был направлен в заграничную командировку — на Кубу. Там он выполнял обязанности советника Генерального прокурора Республики Куба, Сантьяго Куба Фернандеса. Там Николай Семенович прожил чуть более года, завоевав любовь и признательность не только работников прокуратуры, но и представителей партийных и государственных органов республики. Он вел там обширную педагогическую деятельность — читал лекции по криминалистике, уголовному, уголовно-процессуальному, исправительно-трудовому праву (впоследствии они были опубликованы в кубинских методических сборниках), участвовал в подготовке проектов законов о прокурорском надзоре в Республике Куба и об уголовном судопроизводстве, консультировал Генерального прокурора.

В письме, адресованном Н. С. Трубину, представители общественных организаций Генеральной прокуратуры писали:

«Уважаемый товарищ, Николай Трубин. Разрешите нам этими скромными строками от имени партийной, комсомольской (СМК) и массовых организаций Генеральной прокуратуры Республики, а также от имени всех ее сотрудников выразить глубокое уважение, которое мы питаем к Вам лично. Это чувство по праву заслужено Вами ежедневной работой и человеческой теплотой, которая проявлялась постоянно.

Было бы некорректно попрощаться с Вами, не сказав до этого о высокой оценке Вашей работы в качестве советника Генерального прокурора и о ее полезности.

Мы считаем, что как Ваша педагогическая работа, которую без преувеличения можно назвать обширной, так и Ваши предложения в области законодательства способствовали тому, чтобы для прокурорской деятельности у нас на родине открылись новые перспективы...»

Строки из письма работников прокуратуры провинции Гавана:

«В Вашем лице мы видели великолепный пример человека труда, дисциплинированного и очень озабоченного тем, чтобы тот опыт, которым Вы обладаете, был полезен нам. Мы уверены, что чувство Вашего присутствия среди нас остается и после слов прощания, т. к. у нас остается Ваше ясное понимание и разъяснение наших проблем и, особенно, человеческая теплота, которая была одним из самых неотъемлемых Ваших качеств».

После завершения командировки Н. С. Трубин продолжал выполнять обязанности заместителя начальника следственного управления Прокуратуры Союза ССР. По распределению обязанностей он занимался непосредственно надзором за следствием, производимым органами Прокуратуры РСФСР, Белорусской ССР, республик Советской Прибалтики и Средней Азии. Он часто выезжал в командировки в подконтрольные прокуратуры, обстоятельно разбирался на месте с состоянием преступности и организацией следствия и, имея солидный опыт, оказывал прокурорам и следователям большую практическую помощь. За свою работу он не раз поощрялся Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко. В характеристике Н. С. Трубина, подписанной первым заместителем Генерального прокурора СССР А. М. Рекунковым в январе 1978 года, отмечалось, что он «зарекомендовал себя политически зрелым, высококвалифицированным и принципиальным

работником, хорошим организатором, требовательным к себе и подчиненным... По характеру выдержан, скромен, трудолюбив, в общении с людьми внимателен, пользуется заслуженным уважением и авторитетом... Способен обеспечить участок работы с большим объемом».

Последняя фраза была не случайной. Дело в том, что 13 января 1978 года Прокурор РСФСР Б. В. Кравцов обратился с письмом к Генеральному прокурору СССР Руденко о назначении Н. С. Трубина заместителем прокурора республики — начальником следственного управления. Этот вопрос был рассмотрен 18 января на заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР, а 31 января Руденко подписал приказ о назначении Н. С. Трубина на новую должность. Николай Семенович принял на себя тяжкое бремя руководства всей следственной работой в Российской Федерации, которое он нес более четырех лет.

В июне 1979 года Н. С. Трубин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В мае 1981 года за свою трудовую деятельность он был награжден орденом «Знак Почета».

Несмотря на загруженность по основной работе, Николай Семенович читал лекции в Институте повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры Союза ССР. В апреле 1982 года решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием.

В июне 1982 года Н. С. Трубин сдал свои полномочия, а сам в качестве заместителя прокурора республики стал заниматься организацией работы управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах и отдела по надзору за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. Он лично поддерживал обвинение по многим уголовным делам, в том числе и по делу об аварии теплохода «Александр Суворов».

В июле 1986 года по представлению Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова Николай Семенович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в следующем году его назначили первым заместителем Прокурора РСФСР. Вскоре ему был присвоен чин государственного советника юстиции 2-го класса.

16 апреля 1990 года Президиум Верховного Совета РСФСР «за заслуги в деле укрепления социалистической законности и многолетнюю добросовестную работу» присвоил Н. С. Трубину звание «Заслуженный юрист РСФСР». 28 мая 1990 года Николай Семенович возглавил Прокуратуру РСФСР, сменив на этом посту С. А. Емельянова. Указом Президента СССР от 25 октября 1990 года ему был присвоен чин государственного советника юстиции 1-го класса.

К этому времени заметно поколебалась целостность централизации прокуратуры. Трубин считал, что для сохранения единства системы, Прокуратура Союза ССР должна была сделать кардинальные шаги. *«Судьба прокуратуры, ее будущее тревожит всех нас, — писал он. — Хотелось бы надеяться, что еще не поздно изменить сложившуюся в прокурорской системе ситуацию. Что можно сделать уже теперь? Безотлагательно передать в компетенцию прокуроров союзных республик решение всех вопросов, связанных с назначением прокуроров районов и городов, а может быть, даже и областных прокуроров, присвоения классных чинов вплоть до советника юстиции, маневрирование штатами, материальными и иными ресурсами, утверждение структурных изменений. А главное — надо пересмотреть порядок назначения прокуроров союзных республик, согласившись с тем, чтобы они утверждались верховными советами республик или согласовывались с ними».*

Органы прокуратуры все более и более втягивались в выполнение несвойственных им функций. Поэтому на одном из заседаний коллегии прокуратуры республики, проводившемся под председательством Трубина, было решено считать приоритетной задачей защиту законных прав и интересов граждан и прежде всего от преступных посягательств. В условиях перехода страны к рыночным отношениям главное внимание сосредоточить на надзоре за законностью правовых актов и законностью рассмотрения материалов контролирующими органами, а также за разрешением писем, заявлений и жалоб на неправильные действия органов управления, учреждений, организаций и должностных лиц.

Возглавлять прокуратуру республики Н. С. Трубину довелось всего полгода. Президенту СССР М. С. Горбачеву показалось, что А. Я. Сухарев не вполне справляется с обязанностями Генерального прокурора СССР, и он принял решение сменить Генерального прокурора, предложив этот пост Н. С. Трубину. 11 декабря 1990 года постановлением Верховного Совета СССР Н. С. Трубин был назначен Генеральным прокурором Союза ССР, а 27 декабря Съезд народных депутатов СССР утвердил его в этой должности. Ему был присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции.

Николаю Семеновичу Трубину довелось оказаться последним Генеральным прокурором Советского Союза. В своем выступлении на том съезде Николай Семенович говорил о том, почему меры, осуществленные прокуратурой и другими правоохранительными органами, не влияли на оздоровление обстановки в стране; о «войне законов», парализовавшей деятельность органов исполнительной власти; о правовом нигилизме республиканских законодателей; о прямом вмешательстве в деятельность прокуратуры. Выступая, он подчеркнул, что прокуратура должна быть освобождена от несвойственных ей функций и что прокурорский надзор не должен подменять органы управления и контроля.

«Концепция обновления нашего Союза, — говорил на съезде Трубин, — исходит из признания суверенитета республик, из признания необходимости разграничения полномочий между Союзом и республиками. Между тем Конституция СССР до последнего времени удерживала Прокуратуру Союза ССР на позиции строгой централизации прокурорской системы. Это привело к тому, что стихийно начавшиеся в республиках процессы по изменению статуса республиканских прокуратур оказались неурегулированными и Прокуратура Союза ССР не могла никак на них влиять. Прокуратуре Союза пришлось плестись в хвосте событий либо принимать какие-то ошибочные организационные решения».

IV съезд народных депутатов СССР по предложению Н. С. Трубина внес поправку в Конституцию СССР, которая предоставляла право высшим органам государственной власти республик назначать прокуроров и требовать от них отчета об их деятельности.

Президент и правительство СССР готовились подписать новый Союзный договор, но в связи с начавшимися событиями 19–21 августа 1991 года (время действия ГКЧП) этот процесс был сорван.

Положение самого Н. С. Трубина оказалось сложным и неустойчивым. Во время «правления» ГКЧП он находился с визитом на Кубе. После разгрома ГКЧП часть прессы обвинила руководителей союзной прокуратуры в поддержке переворота и потребовала их смещения. Хотя Прокуратура Союза ССР в те дни официально не выступала в прессе в их поддержку. Чтобы снять Н. С. Трубина, в газетах распространяли сведения о том, что якобы он в интервью на Кубе высказался в поддержку ГКЧП. Трубин все же устоял, правда, он вынужден был уволить своих заместителей: А. Д. Васильева, И. П. Абрамова и А. Ф. Катусева.

24 сентября 1991 года Трубин пригласил на встречу всех прокуроров фактически уже суверенных республик. Прокуроры высказались за необходимость постоянного сотрудничества и координации действий прокуратур суверенных государств, обмена мнениями и опытом. По принятой концепции Прокуратура СССР должна была тогда быть преобразована в межреспубликанский орган прокурорского надзора.

После самороспуска Съезда народных депутатов СССР, беловежского соглашения Президента РСФСР и руководителей Украины и Белоруссии и последовавшего вслед за этим развала СССР в декабре 1991 года Н. С. Трубин автоматически потерял свою должность. В приказе было записано, что он освобождается от занимаемой должности «в связи с постановлением Совета Республик Верховного Совета СССР от 26 декабря 1991 г. о прекращении деятельности Союза ССР».

Когда правительство Российской Федерации утвердило Положение о порядке назначения и выплаты пенсий прокурорам, следователям, научным и педагогическим работникам органов и учреждений прокуратуры и их семьям, бывший Генеральный прокурор Союза ССР Н. С. Трубин получил пенсионное удостоверение за первым номером.